

Юрий Сушко

Самая лучшая
сказка

Леонид Филатов

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Юрий Михайлович Сушко
Самая лучшая сказка
Леонида Филатова
Серия «Биографии великих.
Неожиданный ракурс»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819915

Сушко Ю. М. Самая лучшая сказка Леонида Филатова: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-53756-3

Аннотация

Застенчивый и независимый, проницательный и очень-очень ранимый.

Таким запомнился Леонид Филатов миллионам телезрителей, любителям театра и читателям. Необыкновенно одаренный человек, он – воплощение совести, блестящий актер, автор множества литературных произведений, любящий муж и заботливый отец. В этой замечательной книге подробно описаны неизвестные страницы жизни любимого актера. Прочитав этот литературный памятник Леониду Филатову, хочется произнести тихо и предельно искренне: «Да здравствует жизнь, да здравствует любовь».

Юрий Сушко

Самая лучшая сказка

Леонида Филатова

*Пусть я кончу жизненный путь
На исходе этого дня.
Мне успеть бы только взглянуть,
Что там будет после меня...*

Л. Филатов

...И он приснился ей. Вернее, это даже был не сон, а какое-то космическое наваждение, видение. Какие-то огромные ворота, в которые нужно непременно успеть вбежать, иначе потом будет поздно. Поздно, поздно, поздно! Вбежать, ворваться, чрез все преграды!

Проснувшись, сама не зная, что делает, Нина помчалась в театр. Здесь ее абсолютно никто не ждал. До начала спектакля было еще слишком рано, ни обязательных репетиций, ни застольных читок ролей не было, никаких предварительных договоренностей о встречах тоже. Но она твердила себе, как заведенная: надо, и все. Поймала такси, вышла на знакомой площади, устремилась к служебному входу. Чисто машинально, на ходу, поздоровалась с насупленной, вечно хмурой вахтершей, которая сосредоточено читала «Вечерку». Зашла в гримерку, взглянула в окно. Два равномерных

потока людей всасывало и выпихивало из себя ненасытное чрево метро «Таганская». Рядом с пивным ларьком суетились замызганные, хмурые мужички. Тут же тетки торговали вялыми цветами. Совершенно бездарный, какой-то тусклый день. Такой, как был вчера. Каким будет завтра...

Потом она тихонько, чуть ли не на цыпочках, прокралась в зрительный зал и застыла в проходе. Там было сумрачно. Лишь на рабочем столике перед «шефом» где-то там, впереди, горела настольная лампа. Ну и, естественно, сцена была залита огнем прожекторов. Шел очередной прокат «Живого», в котором она не была занята. Во время прогона, репетиции, все знали, мышь не имела права пробежать.

Нина стояла, ничего не видя и не слыша. Неожиданно почувствовала, как кто-то подошел к ней сзади, мягко обнял за плечи и, приподняв ее пышную белокурую гриву, прикоснулся губами к шее. Даже не оглядываясь, Нина поняла: ведь это же он, Леня.

И тут они взялись за руки, и как будто ток между ними прошел... Опомнившись, отпрянули друг от друга и пулей вылетели из зала, забились в какой-то закуток кулис и стали говорить, говорить, говорить без умолку. А он все целовал ее – и руки, и шею, и губы.

«В тот день я не понимал, что творится со мной, – вспоминал Филатов, – в горячке примчался в театр. Вошел в зал и увидел Нюсю. Долго крутился, вертелся, думал: подходить, не подходить, в конце концов подскочил к ней и ткнулся в

шею... Все это было похоже на сумасшествие... Ты как здесь очутился, спросила она. Не знаю, что-то потянуло».

«С этого дня начался наш тайный роман...» – признавалась Нина Шацкая. Она невольно процитировала слова Михаила Афанасьевича Булгакова из романа «Мастер и Маргарита». Не мистика ли, что через несколько лет на сцене «Таганки» именно Леонид Филатов предстанет многомуемым, измученным душевными страданиями Мастером, а Нина Шацкая – его верной Маргаритой?

Но все будет много позже. А после той безумной встречи они долго избегали встреч наедине. Потом украдкой вновь стали видеться, опять подолгу разговаривали. О чем? Наверное, о какой-то милой ерунде, понятной только им одним. «Просто приятно было быть рядом друг с другом», – признавался Филатов.

Последовало десять лет этой тайной жизни. Совсем как у Гурова с Анной Сергеевной в «Даме с собачкой». Они наивно полагали, что окружены слепцами и никто вокруг ничего не замечает.

Один из близких товарищей Филатова и далеко не посторонний свидетель этого романа Владимир Качан говорил: «Не одно чувство погубило под давлением такого срока, и даже в зарегистрированном браке. А потом стало ясно: больше жить друг без друга невозможно, надо жечь старые мосты и соединяться...»

А познакомились они задолго до этого, еще в 1969 году, когда вчерашний выпускник Щукинского училища Леонид Филатов был зачислен в мятежный Театр на Таганке, который не давал московскому высококультурному начальству спать спокойно. «Мои педагоги, желая меня поддержать, – рассказывал Филатов, – показали меня Юрию Петровичу Любимову. Он же сам вахтанговец... Ну, Юрий Петрович меня и взял...»

Чем являлась в ту пору «Таганка»? «Это уже было знаменитое место, – рассказывал воспитанник «Щуки». – Гремели имена Высоцкого, Золотухина, Смехова, Демидовой, Славиной. «Таганка» и «Современник» считались самыми живыми и непокорными театрами Москвы. Нас туда очень манило. Но когда речь зашла о том, идти мне в Театр на Таганке или нет, многие педагоги начали отговаривать от этого «индустриального» театра, где «все грохочет, гремит, где все орут». Меня убеждали: «Ты человек другой, тебе нужна тишина, сосредоточенность». Обещали организовать показы то в одном театре, то в другом, то (наверняка уж беспроектный!) в Пушкинском. Но, слава Богу, далеко не все учителя и советчики-доброхоты придерживались такого мнения.

После многочасового, мучительного, изнурительного по-

каза на таганской сцене будущие актеры шумной гурьбой завалились в модное молодежное кафе на новом Арбате, рядышком со знаменитым салоном красоты «Чародейка», где дурнушек превращали в писаных красавиц, а любого жлоба – в рафинированного денди. Все возбужденно галдели, на перебой заказывали дешевенький «сухарик» и мороженое, делились своими грандиозными, чуть ли не наполеоновскими планами пленения коварной Мельпомены.

Интуитивно предчувствуя свое неминуемое фиаско на любимовском ристалище, кое-кто намекал о весьма лестных предложениях, полученных от Гончарова, Плучека, Эфроса и даже от самого Товстоногова. Другие демонстративно ставили жирный крест на всех театрах, разом взятых, и, суеверно не раскрывая до конца колоду карт, говорили о своих скорых киноэкспедициях, каких-то загадочных тон-вагенах и удачных фотопробах на студии Горького или «Ленфильме».

Филатов, как всегда, не выпуская изо рта сигаретку, большей частью отмалчивался, роняя время от времени сакральную фразу «Ковер покажет», как бы опуская однокурсников на грешную землю. Неужели уже тогда он отчетливо осознавал, что «люди, идущие в артисты, еще не артисты»? Что ошибается тот, кто считает, что быть артистом престижно. Что это вообще другой мир, недостижимый. На самом деле вот он, хрустит под вашими каблуками? Видимо, знал, но вслух пока об этом не говорил.

– ...Какой еще «ковер», чего он там еще покажет, твой «ковер», что ты мелешь, Ленька? – возмущались однокурсники и прежде всего однокурсницы, конечно. – Мы что, шуты гороховые, по-твоему?!

В разгар застолья в кафе как бы ненароком заглянул скромный шукинский педагог Альберт Буров, который, кстати, в свое время принимал самое непосредственное участие в подготовке того самого, легендарного премьерного любимовского спектакля по Брехту «Добрый человек из Сезуана». Улучив подходящий момент, Буров тактично отозвал Филатова в сторону: «Ленечка, одного берут, тебя. Я тебе советую соглашаться».

И Филатов поставил окончательную точку в своих метаниях. Позже он говорил: «Я пришел в этот грохот и ни секунды не жалел о выборе. «Таганка» сформировала систему взглядов, подружила меня со множеством прекрасных людей... В тогдашней «Таганке» мне нравилась простая сцена, демократическая эстетика, отсутствие нарядов. Театр существовал еще всего пять лет, а Любимов и актеры уже считались живыми классиками...»

Впрочем, поскольку все молодые люди экстремально настроены, то, признавался Филатов, и я пришел с ощущением, что я чуть не гений. Все молодые артисты так приходят, пока не выясняется, что «нас» не так много, как мы о себе думаем...

А Нина Шацкая служила там уже почти четыре года и бы-

ла, можно сказать, почти что прямой.

Ничуть не лукавя, говорила, что тогда она «напоминала бабочку. Улыбчивая, легкая, веселая... Все всем про себя рассказывала. И всегда была покойна...»

Романтичная, влюбленная во все на свете: «В жизнь, солнце, сосульки. Когда я училась в ГИТИСе, мы с моей приятельницей убегали со всяких диаматов, истматов на бульварчики, сидели со старушками, мечтали», – с оттенком грусти вспоминала молодые годы Нина Сергеевна. Считала себя немножко странным человеком, словно бы не от мира сего: «Мне уже за двадцать, а у меня все платонические отношения». А близорукие кинорежиссеры все стремились сотворить из нее женщину-вамп, неотразимую искусительницу. Парики какие-то дурацкие черные нахлобучивали, заставляли томно кокетничать, принимать соблазнительные позы перед камерой и партнерами. Совсем не замечали, слепцы и бездари, что душа ее была совершенно иной.

Кинорежиссер Алексей Сахаров, экранизируя повесть молодого прозаика Василия Аксенова, не посмел ни на йоту отступить от образа «дуновенья летнего ветерка»: «Стройная девушка в серых брючках стояла под елкой... Синие, темные, как весенние сумерки, глаза смотрели на него вопросительно и ободряюще, смотрели хорошо... полуоткрытые, будто готовые к поцелую губы, чуть растрепанные светлые волосы...»

Инна, возлюбленная доктора Саши Зеленина, была имен-

но Ниной. Даже имена перекликались...

Фильм, как и повесть, имел успех. Шацкая запомнилась.

«Мой первый брак был одно сплошное недоразумение. Сейчас я даже представить себе не могу, как мы с Золотухиным могли пожениться, будучи совершенно разными людьми, – много позже горько сокрушалась Нина. – Видимо, повлияло то, что вместе учились в ГИТИСе на курсе музыкальной комедии. Хотя вначале я его в упор не видела и была влюблена в совершенно другого человека. А потом как-то все закрутилось-завертелось. Знаете, как это бывает в молодости, когда гормоны играют? Ну, я и выскочила за Валерия в 22 года...»

Да-да-да, авторитетно подтверждал сам комсорг курса и суровый председатель учкома Золотухин, Шацкая студентка была ветреная. Много прогуливала. Порой педагоги, увидев ее только перед самыми экзаменами, страшно удивлялись: «Вы откуда? Нет, голубушка, до экзамена мы вас не допустим». И гоняли по всей программе. Выручала «ветреную» девушку изумительная, просто феноменальная память.

Комсорг не скрывал: «Нина Шацкая была особого склада... Недоступная... Как-то в зимнюю сессию она меня спросила: «У тебя есть конспекты?» А я везде был отличником – в школе, институте. Я говорю: «Есть, конечно». – «Дашь мне?» – «Дам, но они у меня в общежитии». – «Ну, что ж, поедем в общежитие». – «Поедем». – «А целоваться будем?» – не унимался комсомольский вождь. «Будем»... В общежи-

тии тогда никого не было, и мы так нацеловались, что неделю не могли выйти на улицу, губы были искусаны до крови... Новый год встречали вместе. Нина все же сдала зимнюю сессию, а 14 февраля 1963 года мы расписались. Правда, теперь она говорит, что никогда не любила «это существо», и очень жалеет, что я в ее жизни случился, но...»

Но – родился сын.

В начале 60-х годов прошлого столетия один популярный американский журнал составил рейтинговый список 100 самых красивых актрис мира. Тринадцатое (самое счастливое?) место в нем заняла Нина Шацкая. Валерий Золотухин, естественно, пыжился от гордости: «В те годы Элизабет Тэйлор, что называется, и рядом с ней не стояла...»

Мужчины млели, глядя на Нинины роскошные белокурые волосы, волной ниспадающие на не менее шикарные плечи, тонули в ее загадочных очах. Она завораживала своей красотой, к ней неудержимо стремились, желая познакомиться, хотя бы заговорить, взять телефончик, не говоря уже о том, чтобы, Боже упаси, – за локоток. Поэты посвящали ей стихи. Даже сам Высоцкий подарил Нине к 30-летию шуточный экспромт:

Конец спектакля. Можно напиваться!

И повод есть, и веская причина.

Конечно, тридцать, так сказать, – не двадцать,

Но и не сорок. Поздравляю, Нина!

.....

И да хранит Господь все ваши думки!
Вагон здоровья! Красоты хватает.
Хотелось потянуть тебя за ухо...
Вот всё. Тебя Высоцкий поздравляет.

Критики, искусствоведы-искусители щедро осыпали ее богатейшими россыпями самых изысканных комплиментов: «изумительно сложена», «ее прекрасное мраморное тело источает сияние в ярких лучах прожекторов...», «ослепительная женская красота...» Да, это все – о ней.

Однако мало-помалу Нинина популярность и яркая внешность не могли не раздражать молодого супруга, тоже, кстати говоря, представителя публичной профессии. Он грустил, бедняга, изливал зависть на бумаге: «Нина уже снималась в кино, а я нет. Однажды мы поехали в мое село отдохнуть. По случаю в клубе показали фильм с Нининым участием и устроили ей творческую встречу. В «Алтайской правде» написали: «Наше село посетила известная актриса Нина Шацкая со своим мужем». Знаете, как обидно было?!.»

Не знаю, но догадаться в общем-то не так уж трудно.

Золотухину она уже в глаза говорила, что не любит его. Даже выгоняла несколько раз, только он не уходил. Впрочем, у него была уже своя, весьма насыщенная, жизнь: с одной, другой, третьей.

Шацкая жаловалась: «В той жизни... палкой одну удари-

ла, ногой вышвырнула. Я вхожу домой, приехала чуть раньше, дверь открыта входная, закрыла, сидит здоровенная девушка лет 18–19, бутылка, конфеты... Говорю мягко: вы кто? Молчит. Что вы здесь делаете? Молчит. Я терпеливый человек, столько никто не может терпеть. Но когда меня достают, все, кранты: я плохой человек, я страшный. Я – Рыбка-Дракон...»

«Мне очень хочется забыть о моем первом муже, – говорила она. – Я считаю, что такого существа в моей жизни не было. Но, к несчастью, историю не перепишешь... И только прожив эту жизнь, благодаря Лене, я узнала, что такое любовь...»

«Когда случилось все, я ему (Золотухину. – Ю. С.) сказала: я больше тебя не люблю. И брезгливость, и омерзение. Меня уже заметили как актрису, я за спиной слышу: «Шацкая, Шацкая пошла», а я все ходила драная, в детской шапке с ушами и помпоном, в растоптанных сапогах и шубе искусственной. У нас все денег не было. А разошлись – он сразу купил себе квартиру, машину и построил дачу...» Справедливости ради она все же вспоминает какие-то чуть ли не сиротские подарки от Валерия Сергеевича: диковинный кубик Рубика, платок на голову.

Даже много позже, когда, казалось бы, все прежние обиды улеглись, Нина нет-нет да и вздрагивала от возмущения: «Я до сих пор помню, каким он, с позволения сказать, был «заботливым» мужем. Мне постоянно приходилось что-то пе-

рекраивать, шить, чтобы выглядеть более или менее прилично...»

Золотухин пытался, конечно, оправдываться: «На все мои романы у Шацкой сил не хватило, они пошатнули нашу семейную жизнь. Но пусть Нина думает, что это она от меня ушла...»

Словом, на семейном фронте Нина переживала отнюдь не самые радужные времена. В декретном отпуске смогла продержаться только четыре месяца. В четырех стенах было просто невмоготу. Вдобавок ко всему Нинина мама оказалась в больнице с подозрением на рак, дома с малышом сидеть было некому. Она разрывалась между домом, больной мамой, мечтами о сцене и предложениями на очередные съемки. Но никому-никому дела не было до того, что у нее на душе кошки скребут. Так хотелось поскорей вернуться к театральной суете. Вернулась.

А тут в труппу «Таганки» влились какие-то молодые, шустрые парни, ребятки вроде Лени Филатова, Бори Галкина... «Я на них и внимания-то особо не обратила, – рассказывала Нина, – потому что как бы вся была в своей жизни, тем более что жизнь была совершенно жуткой.

Мы с Леной общались на уровне «здрасьте – до свидания». Партнерство на сцене, которое случалось, значения не имело. Хотя одно время мне казалось, что он ко мне неровно дышит...» Подружке позже призналась: «Обратила сначала внимание на его руки – лица даже сразу не разглядела, а ру-

ки заметила – очень красивые».

Не скрывал своего восхищения Ниной и Филатов, частенько останавливаясь в фойе театра перед большими черно-белыми фотографиями актеров, где среди прочих сияла своей загадочной улыбкой «Актриса Н. Шацкая». И он сокрушался от собственного бессилия: «а я – провинциальный щенок. Чрезвычайно нахальный, не битый еще жизнью. Мне просто нравилось смотреть на нее. И какое-то время этого было достаточно. Я прибегал в театр (наврав что-то жене, которая знала мое расписание...), когда здесь должна была появиться Нина... Когда мне сказали, что она замужем за Валерием Золотухиным, – я просто воспринял это как несчастный случай: «Неужели такое может быть?»

Получается, может. Ну и пусть. Ему было все равно, и он стал подгадывать время и место, где бы могла и должна была бы появиться Нина. При этом проявлял фантастическую прозорливость. На репетициях он с благоговением следил за ее движениями, как она хмурится или хохочет, завидовал тем, с кем она заговаривала. В буфете ему нравилось наблюдать, как непосредственно и с аппетитом Нина уминает пирожки, с каким природным изяществом подносит чашечку с кофе ко рту. Или прикуривает длинную тонкую темно-коричневую сигарету «More».

«Подтянутый, легкий, стремительный, и взгляд – цепкий, пронзительный», – спустя некоторое время разглядела его наконец-то и Нина. Только через два года он решился все-

таки пригласить ее в кафе. Читал стихи о любви, а она, вместо того чтобы похвалить автора, выпалила совершенно пошлую фразу, как из плохого кинофильма: «Вы мне нравитесь, но я – замужем». Филатова тогда как отрезало. Почти год они не общались...

«Провинциал, – сокрушенно разводил руками Леонид, – что поделаешь? Тонкостей столичной жизни не знал. Ну, есть у нее муж. Так он же плохой. Вот такая простая логика... Стихи начал читать. Банально все было... Я понимал, что внешностью очаровать не удастся, пытался интеллектом. Хотя и интеллекта тоже было не в избытке».

Уровень общения «здрасьте-здрасьте-до свидания-пока» Нина Сергеевна объясняла своей сдержанностью, тем самым «воспитанием чувств»: «Так было принято. Меня воспитали в понятиях, что муж должен быть один на всю жизнь. К тому же я вообще человек верный. Я не умею ни предавать, ни бросать, хотя в итоге именно это мне и пришлось сделать. Но тут уж обстоятельства оказались сильнее...»

Не только она, но и Филатов тоже был скован брачными узами. Придя в театр, он довольно скоро женился на актрисе Лидии Савченко. Она была красива, свободна (только-только ушла от опостылевшего мужа), жила тут же, в общежитии, в отдельной комнате. Так что с новобранцем «Таганки» вольно или невольно каждодневно они пересекалась: во время репетиций, спектаклей и после тоже, ну и в общаге, разумеется. А там бесконечные вечеринки и прочие забавы, невы-

ветрившиеся из недавнего студенческого прошлого.

Вскоре подруга потребовала от молодого холостяка законного оформления сложившихся отношений. Филатов, кстати, особо этому и не сопротивлялся. Тогда Лида собрала все необходимые документы и отнесла их в загс. Тем более театральное начальство обещало молодоженам помочь с квартирой. Все получилось как нельзя лучше. Вскоре молодые праздновали новоселье в уютной однокомнатной квартирке. Филатов считал свой брак удачным, слыл примерным семьянином.

А потом вдруг, неожиданно-негаданно, в одной курточке среди зимы взял да и сгинул – ушел обратно в общежитие.

Свой первый брачный опыт позже оценивал негативно и скупно: «Это была ошибка. Там, в первой семье, нам даже товарищеские отношения наладить не удалось. С самого начала было ясно, что нам не быть вместе. Моя вина...»

В театре наши влюбленные теряли головы, не знали, как себя вести на глазах у всех, как друг друга потихоньку приласкать. Иногда стояли под сенью пыльных кулис, как неприкаянные лошади. Нина клала голову ему на плечо, молчала. Он дарил ей свои стихи, написанные на каких-то газетных обрывках.

«То, что мы так стремились скрыть ото всех, на самом деле ни для кого тайной не было, – усмехался потом Филатов. – Нас выдавали глаза, интонация голоса. А нам казалось, что мы такие конспираторы!.. Но тяжесть на душе была... Я пе-

редать не могу. И длилось так несколько лет: мы встречались, но ни она не уходила из семьи, ни я. Нина первая разошлась со своим мужем, а я еще два года был в браке...»

Золотухин же в своих «Таганских дневниках», терзаясь наедине с листом бумаги, не мог сдержать своего бессильного гнева: «Мне надоел ваш флирт, будь он в самой расшутливой, безобидной форме. Запретить его я не властен, если хочется – что ж – но не делайте этого на глазах всего театра – мне стыдно, ты меня позоришь, мне говорят люди... вас видят вместе на улице и мне говорят, мне надоело сохранять интеллигентность... прошу запомнить: если я вас увижу где-нибудь вместе – на улице или в театре (исключая сцену), пеняйте на себя, я подчеркиваю – на себя, вам не поздоровится обоим, и тебе – в первую очередь – подойду и хрясну по роже при всем честном народе».

Так они и испугались этих угроз неутомимого «летописца Нестора»...

Долгие годы Филатов наотрез отказывался что-либо говорить о Валерии Золотухине, справедливо полагая: «В конце концов, не он у меня жену отбил, а я у него. И Денис, которого он на свет произвел, называет отцом меня...» Но о скандально известных дневниках своего коллеги по театру высказался зло и точно, как чемпион по снайперской стрельбе легко попадает в яблочко мишени: «Это, по-моему, дневники Смердякова». «Я Золотухину так и сказал, но он, по-моему, не понял... Он ведь очень простодушный человек.

До безобразия».

Нине Сергеевне можно простить беспощадность по отношению к своему первому мужу: «Очень хочется написать мемуары и ответить, наконец, Золотухину на его вранье... Надел... Он хвастлив, тщеславен, и всех, с кем сталкивается в жизни, хочет принизить до своего уровня... Я не могу пропустить его ложь в отношении Лени, который якобы приходил играть спектакли пьяным. Леня никогда не опустится до полемики на эту тему, но любой артист нашего театра может подтвердить, что этого не было ни-ког-да!.. Спектакли срывались именно из-за него, Золотухина...»

* * *

Мистика Шацкой и Филатову постоянно сопровождала. Нина вспоминала, как «спустя год после нашего ровного общения в театре Лене приснился сон, будто бы он падает с неба на землю и, вместо того чтобы разбиться, оказывается у меня на руках. А со мной как-то случилось другое. Как-то с подружкой я гадала на Крещение и увидела на стене несколько теней: козла, собаки и руки с большим пальцем, поднятым вверх. Потом мы все это расшифровали, и оказалось, что по гороскопу козел, то есть Козерог, и собака – знаки зодиака Лени, ну, а большой палец, указывающий вверх, означал успех...»

«Нина ждала меня давно, – рассказывал Леонид. – Жила

одна, казалось бы, – сколько можно. Но неловко было уйти, я все тянул... А чем дольше тянешь, тем больше мучаешь и себя, и любимую женщину, и женщину, с которой живешь. Всем плохо...» Он полагал: «Наши мужья и жены несли моральный ущерб, все держалось в тайне, неприлично даже было вместе работать. Мы с ней долго противились себе... но в конечном счете это оказалось сильнее нас, и мы стали жить вместе, чего нам это стоило – разговор отдельный. Нашим близким было несладко, когда все выяснилось...»

Но как маялся сам Филатов! Он поверял свои чувства только бумаге:

Когда душа
Во мраке мечется, шурша,
Как обезумевшая крыса, —

Ищи в тот миг
Любви спасительный тайник,
Где от себя возможно скрыться.

Нину Сергеевну никак не устраивала ситуация: любовник-любовница. Она рассказывала: «Я трижды от Лени уходила. Я не могла ему сказать: или-или. И в то же время не могла выносить этой двусмысленности... Один раз ссорились три часа безысходно... У меня есть икона Владимирской Богоматери, и она мне так помогла! Прошла неделя или полторы, он не звонит. Господи, я стояла на коленках, слезы

ручьями, и молилась-молилась, почти до 12 ночи. И вдруг – звонок!..»

Но все-таки сумела проявить характер и предложила Леониду еще с полгодика побыть отдельно и только после этого принять окончательное решение. Ей очень не хотелось быть причиной его ухода из дома. «Но он пришел не через полгода, а гораздо раньше. Я всегда думала: что Бог ни делает, все к лучшему...» – вздыхала Нина.

Сперва Филатов нашел себе приют у своей мамы в Печатниках. Привести туда Нину, естественно, не смел. Жить же в прежней, золотухинской, квартире ему мешала врожденная, почти патологическая щепетильность и брезгливость.

Однако злосчастному «квартирному вопросу» все-таки не удалось ничего испортить в их отношениях.

* * *

В 1965 году юный Леонид Филатов под всеми парусами лихо помчался из своего Ашхабада покорять Москву. Только позже он осознал: «Москва, она, конечно, дама очень суровая, капризная. Не знаю такого человека, во всяком случае среди моих друзей-провинциалов, кому бы она распростерла объятия: дала сразу теплый кров, хорошую работу, снабдила добрыми опекунами. Извините, такого, наверное, никогда не было. Москву надо покорять, как женщину: постоянно ей демонстрировать свою готовность идти ради нее

на подвиги...»

Но тогда, в середине 60-х, он об этом, естественно, еще не подозревал. Но тем не менее собирался стать великим, на весь мир известным кинорежиссером.

Повзрослев, посмеивался над своими юношескими мечтаниями: «О режиссуре у меня в ту пору было весьма смутное представление. Знал лишь общий «портрет»: свитер под горло, очки, кепочка. Мне казалось, это очень мужская профессия, волевая: стоишь на ветру, организуешь процесс. Но поскольку о самом процессе понятия не имел, то, когда меня спрашивали: «Ну, ты куда?» – я говорил «На режиссуру» примерно так же, как говорят: «В космонавты».

Что там артист? Режиссер! Конница в две тысячи человек, а я в рупор: «Мотор!» – и они скачут и скачут...

Во ВГИК просто не мог сдавать вступительные экзамены – они были в августе, я приехал в середине июня. Провинциального нахальства у меня было с избытком, я с собой даже ни одной книжки не привез, настолько был уверен в себе». Денег в кармане – раз-два и обчелся. А возвращаться не хотелось. Желание было – зацепиться. Мизинцем хотя бы подержаться за Москву».

Надо же было такому случиться, что дни вступительных экзаменов совпали с одним из первых столичных кинофестивалей. Влюбленный в кино юнец, естественно, пропал на просмотрах. «Купил дешевый абонемент и перезжал из кинотеатра в кинотеатр. Причем – тоже идиот! – я ж не знал,

что кинотеатры друг от друга далеко. Москва-то большая, в метро только-только приноворился ездить, а все сеансы впритык. И я везде опаздывал». Фестиваль фестивалем, но несостоявшегося режиссера постепенно начала охватывать паника: «Что я скажу, когда вернусь? Кино смотрел?» Для этого необязательно нужно было ехать в Москву.

Тогда приятель присоветовал: иди на артиста. Филатов поначалу застеснялся: кому я там нужен с такой физиономией? Но все же поинтересовался: а где лучше всего учат? Сказали: в Щукинском, там учатся Настя Вертинская и Никита Михалков. Вот туда он и пошел. Ощущение было такое: пропаду, так хоть будет что вспомнить! Не верил, что поступит, но думал: людей посмотрю, а потом буду рассказывать, мол, поступал в лучшее учебное заведение, но... не поступил. Но делать было нечего, следовало отрабатывать долги перед родными, которые снабдили тебя в дорогу не хуже Ломоносова.

«В голове была каша, а отказаться от этого наркотика я уже не мог, – с азартом перелистывал Филатов в памяти ненаписанные странички «полевого дневника» своей абсолютно авантюрной столичной киноэкспедиции. – Экзамены принимали до семи, я приходил к шести... И даже не предполагал, какие страсти тут бушуют, какие катаклизмы происходят на этой улице каждый день: к вечеру в коридорах уже пустело – человек 30 – 40 сидели. Я думал: вот, говорят, знаменитый институт, а вроде никто не поступает... Если уж

такие ходят поступать, то чего ж я-то?.. Только на следующий год, уже будучи второкурсником, понял, что происходит тут на самом деле. С утра улица Вахтангова была заполнена абитуриентами... До Арбата была забита улица... такая неподвижная толпа, слезы, истерики и мам, и пап, и валидол, и... Видел бы я год назад эту картину, может быть, у меня и отваги бы для поступления не хватило. Я ведь был полным прохвостом – навыков, опыта да желания стать артистом особого не было. Играл, конечно, в школе Чиполлино и Буратино...»

Когда обмелел основной поток абитуриентов и оставались только жалкие обмылки, ошметки золотой молодежи, непрезентабельные подростки, с утра штурмовавшие Щукинское училище, пред не совсем ясными очами донельзя усталых членов приемной комиссии появлялся скромный вьюноша из «солнечной Туркмении». Не совсем, конечно, полновесный «национальный кадр», но все же хоть что-то близкое к этому очень ценному для абитуриента преимуществу. Так, вполне возможно, думали строгие экзаменаторы – Владимир Абрамович Этуш, Юрий Васильевич Катин-Ярцев и другие, менее именитые актеры, но не менее талантливые педагоги, преподаватели «Щуки».

Вместо обязательных стихотворений на вступительных турах Филатов схитрил и читал свои собственные, сочиненные еще в школьные годы. Как он говорил, «буреломные такие»... Прозаический отрывок – тоже «из себя». Имена ав-

торов придумывал. Разве только вот у басни имелся вполне реальный и довольно известный в те годы автор – Феликс Кривин.

«Один из экзаменаторов, выслушав все это, «посмел» меня спросить: «А что, у вас еще что-нибудь есть?» – с шутовым возмущением вспоминал свои «туры» строптивый абитуриент. – Я, набравшись хамства, говорю: «А что еще?» Возмутил меня профессор: неужели я плохо подготовился или буквы не выговариваю?..»

Закончился первый тур, объявили фамилии тех, кого допустили до второго. В числе счастливых Филатов услышал и свою, успокоился: «Ну, теперь хоть смогу рассказать, что дошел аж до второго тура». А потом был третий. И – удивительное дело – поступил! Даже без этюдов взяли. Сдал общеобразовательные экзамены и понял, что искушать судьбу во ВГИКе не стоит. Зато с тех пор крепко уверовал в то, что у провинциалов куда больше готовности и запаса прочности, больше природного желания атаковать. Позже, всерьез и надолго обосновавшись в столице, он неизменно настаивал на том, что «провинциал – это ...целая философия. Причем постигать ее продолжаешь всю жизнь, независимо от наличия уже московской прописки и от количества лет, прожитых в этом городе. Провинциалам, как никому другому, важно пробиться, найти свободное местечко в этом мегаполисе и занять его. Занять прочно, чтобы никто никогда тебя с него не спихнул».

«Зацепившись мизинцем», он влюбился в Москву навсегда. Стало привычкой, возвращаясь даже после недолгого отсутствия – после гастролей, поездок по стране, – прямо с вокзала или из аэропорта сделать круг по Москве, и таксист, радовался Филатов, понимал меня с полуслова: на Полянку, Солянку, Разгуляй – «сделаем, знаем».

Правда, потом, на сломе десятилетий и эпох, его «и кружить не тянет, и таксист пошел не местный, не знающий, к станциям метро привязывающий маршрут, а чаще к универсамам. ... Все от отсутствия патриотического московского контекста... Действительность... душит настенной руганью, вонью подъездов, разбитыми телефонами-автоматами, короче, пропажей московского духа...» Ладно, и это, слава Богу, уже позади, проехали, опомнились, оклемались.

Группа же на курсе подобралась удивительнейшая. Александр Кайдановский, Иван Дыховичный, Борис Галкин, Владимир Качан, Ян Арлазоров, Нина Русланова, Екатерина Маркова... Завтрашняя краса и гордость отечественного театра, кино и, конечно же, эстрады. А тогда, по определению Филатова, просто «замечательные талантливые провинциалы. Им так же, как и мне, предстояло каждый раз доказывать самим себе и друг другу, что мы что-то можем, что мы, вернее, каждый из нас – лучший...»

Как-то Филатов вспоминал свое выступление на Всероссийском конкурсе артистов эстрады. Вдруг на третьем туре

увидел одноклассников. Обнялись, теребят друг друга, спрашивают: «Как ты, Леня? А вот мы... Помнишь?!» Слушаю, говорил Леонид (тоже еще не шибко-то увенчанный), и как-то не по себе, горько... Знакомые лица, которые успел забыть! Лица постаревшие, глаза тяжелые... Не повезло им! А были талантливее меня... Шатается по России наша братия. Одному места нет, другому с режиссером не повезло, третьему – с ролями... Да мало ли причин! А любая пауза – и уходит профессия...

На курсе мастера Веры Константиновны Львовой, «совершенно небесной», по определению зрелого Филатова, они вели себя не лучшим образом: благодаря тому, что кое-что знали, сачковали «по-черному». Значительно позже понял, признавал Филатов, что мне просто повезло. А тогда, по юности, был совсем не сахар, безумно на всех обижался, считал себя непонятым, чем доставлял преподавателям немало неприятных минут...

Их студенческое общежитие на Трифонойской, а в особенности комната № 39, в которой обосновались Филатов, Галкин и Качан, являлось своего рода государством и государстве.

Существовал неписанный кодекс мужской солидарности. Однажды случилась неприятность у Сережи Вараксина. Мало того, что он угодил в милицию, так его еще там и обрили под «ноль» (была в то время такая профилактическая мера). Желая поддержать пострадавшего, жильцы 39-й комнаты в

полном составе отправились в парикмахерскую и так же постриглись. «Явились, как пять бильярдных шаров, в училище, – со смешком вспоминал Галкин. – На вопрос педагогов: «В чем дело?» – ответили: «А в общежитии уже неделю нет горячей воды. Не ходить же с грязной головой. Гигиена прежде всего!» Наш решительный поступок был одобрен всеми...»

Романы? Да, случались. Пересуды? И они тоже. Бытовая неустроенность? Конечно. Гусарили? Ну да, а как же без этого?! Словом, все как у всех.

Только было в Филатове нечто, отличавшее его от прочих. Это «нечто» многие ошибочно принимали за гордыню, амбициозность, завышенное самомнение. Его извечную ироничность считали природной желчностью. Никто не принимал во внимание, что Филатов был способен столь же безжалостно иронизировать не только над другими, но и над самим собой.

Стал классикой, легендой «Трифоновки» реальный сюжет с участием двух будущих народных артистов России. Очнувшись от тяжелого сна-забытья, последний «щукинский» романтик Борис Галкин тут же взял стакан в одну руку, а во вторую – горбушку черного хлеба, густо посыпанного солью, и обратил свой мечтательный и мутный взор в не менее мутное окно. И совершил величайшее открытие, обнаружив за стеклом огненный солнечный шар: «Подъем! Как можно спать при такой красоте?! Смотрите, какой рассвет, иди-

оты!» Романтический пыл приятеля остудил хладнокровный надтреснутый, с легкой хрипотцой голос Филатова, комфортно расположившегося на провисшей почти до самого пола панцирной кровати: «Боря, успокойся, это не рассвет, это закат...»

Этой троицей – Филатов, Качан, Галкин (плюс порой Михаил Задорнов) – любовались. Они часто забавлялись такой немудреной игрой: кто-нибудь говорил ключевую фразу, скажем, «идет дождь», «светит солнце» или «дяденька идет по улице», а Филатов обязан был с ходу придумать стихотворение. Получив ответственное задание, Леонид начинал быстро-быстро ходить из стороны в сторону, и через минуту выдавал рифмованные строки – одну за одной...

Не о них ли пел Булат Окуджава: «Все они красавцы, все они таланты, все они поэты...»?

Потом ими можно было «любоваться» уже только издали – после очередной «шалости» развеселую троицу таки выселили из общежития. Слоняясь по этажам, они, само собой, забрели на тот, где обитала «прекрасная половина человечества». Шутки ради связали ручки дверей, расположенных друг против друга, постучали в обе, и, отбежав, стали наблюдать «девичий визг на лужайке». Утром шутникам пришлось держать ответ перед активистами из студсовета. Дело приобрело характер «международного скандала». Дело в том, что в одной из комнат жила болгарская студентка. Плюс ко всему прочему еще и беременная. «Каким-то образом нас вычис-

лили, – рассказывал Филатов. И задумывался. – Или просто продал кто?..»

Словом, друзей из общежития на Трифоновке выгнали раз и навсегда. Тогда они нашли приют на улице Герцена, в бывшей конюшне, которую снимали несколько лет кряду. Кого там только не перебывало у них в гостях за это время! «Но не надо думать, что это была какая-то богемная жизнь, – отчаянно отрещивался Леонид, – скорее нищенская. Богема предполагает хотя бы наличие ванны. А мы ходили летом и зимой в одних дырявых кедах...»

Михаил Задорнов отдавал должное своему другу юности Лене Филатову, он называл его: «Мой учитель, перед которым я преклоняюсь. Благодаря ему я стал чувствовать поэзию, разбираться в кино и театре. Он развил мое чувство юмора». Но в то же время Михаил Николаевич вовсе не собирался пристраивать ангельские крылышки своим друзьям-приятелям и признавал: «Чего греха таить, мы вели безнравственный образ жизни. Страшно много пили, причем всякую дрянь. Мне, например, очень нравился одеколон «Ромео и Джульетта». Когда разбавляешь его водой, он давал наименьший осадок...»

Нередко их компанию «разбавлял» (простите за невольный каламбур) однокурсник Александр Кайдановский, парень драчливый и решительный. Филатов навсегда запомнил, как они как-то вчетвером возвращались ночью через Марьину Рощу. Неподалеку от Рижской к студентам приста-

ли шестеро. У них были ножи. В принципе вчетвером они могли бы отмахаться, но против ножей... И тогда Кайдановский подошел к тому, кто первый вынул нож, голой рукой взялся за лезвие. Кровь хлещет, а он держит. И что-то было в его лице такое, что «хозяева» Марьиной Рощи спасовали...

О своем сокурснике Филатов отзывался несколько настороженно, как о загадочном, не всем понятном человеке: «Кайдановский мог виртуозно материться, болтать на бандитском жаргоне, а мог всю ночь говорить с тобой о литературе».

Филатов много рассказывал друзьям о своей поэтико-среднеазиатской (как звучит-то!) юности, в которой случались подобные истории и передраги. Ведь жить приходилось в двойственном мире – жесткие, бессмысленные дворовые драки и увлеченность поэзией («Ну, кто не пишет в школе? Только ленивый»). Что еще? Цветы. Когда-то мальчик из Ашхабада получил путевку в «Артек» за то, что вырастил удивительнейшей красоты розу. Плюс сломанный в драке нос и тончайшие переводы восточных акынов. Нос? «Подправили, – смягчал ситуацию Леонид. – Он такой был довольно длинный, но прямой, а стал... волнистый. Я всегда мечтал Сирано сыграть. Не вышло: Миша Козаков, решивший это ставить, уехал...» Стало быть, понапрасну Филатов нос свой в юности «косметически подправлял».

Само собой, многие детские впечатления позже выталакивались наружу. И, как оказалось, пригодились ему много

позже в творческих поисках. Даже задумал повесть о своей ашхабадской юности, о городе конца 50-х годов. И название придумал – «Звезды величиной с тарелку». «Когда я приехал в Москву, – рассказывал несостоявшийся, к сожалению, прозаик, – многое мне не нравилось как человеку южному. И я всем рассказывал, что звезды в Ашхабаде величиной с тарелку. Вспоминал разных кумиров моей юности, и положительных, и отрицательных... Это будет не дневниковая повесть...»

Повесть о своих детских и юношеских годах Филатов написать не успел.

Многие рафинированные кинокритики, да и зрители тоже, недоумевали: как удалось исполнителю роли сдержанного, почти интеллигентного Виктора Грача в одноименном фильме «Грачи» вызывать такое жгучее отвращение? Откуда у интеллигентного, казалось бы, Филатова вырывалось такое достоверное знание подлинной дремучей, отвратительной сущности бандитской натуры?

Да оттуда же, из юности все, из нее самой, пытался объяснить он досужим и любопытным журналистам. Хулиганистый, полукриминальный ашхабадский мирок довелось знать не понаслышке. «Теплый край, – с легкой ностальгией вспоминал Леонид, – туда регулярно стекались бандиты, и я их наблюдал достаточно... Они самые угрожающие вещи говорили таким ленивым южным тоном – без единого резкого звука, без «р», «д», «г», на сплошном «ш», «щ», почти неж-

но: «Ты шо! Шо ты тя-янешь! Ты шо!» Ну, и у меня были собственные понты-припарки, чтобы отбиваться...»

В юные годы Филатов даже обвинялся в убийстве. Не пугайтесь, поклонники артиста, – по роковой ошибке. В городе произошло убийство. Свидетель преступления, блуждая по улицам, как-то совершенно случайно увидел в молодежном кафе начинающего поэта Леонида Филатова, который пил пиво и читал свои стихи друзьям, и указал на него милиционерам: «Вот этот, по-моему». Потом недоразумение, разумеется, разъяснилось, но пережитое юношей потрясение, допросы, длинные протоколы, жуткий лязг замков в КПЗ, очные ставки, весь этот ужас, увиденный и прочувствованный им во время следствия, как оказалось, через много лет аукнулись в нем во время съемок «Грачей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.